

Предисловие к первому изданию

Переводы знаменитой сатиры Эразма имеются на всех европейских языках. Около двадцати лет тому назад она была переведена и на русский язык, со значительными, впрочем, пропусками, профессором А. И. Кирпичниковым. Перевод этот, однако, уже давно вышел из продажи и сделался библиографической редкостью. Полагаю, что литературное произведение, выдержавшее со времени своего появления в свет более двухсот изданий, заслуживает того, чтобы стать более доступным русской читающей публике. Это соображение побудило меня издать настоящий перевод, вызванный первоначально потребностями тесного круга университетской аудитории.

Настоящий перевод может считаться первым *полным* переводом подлинного текста сатиры Эразма, хотя надо оговориться, что полный перевод этого произведения не может появиться ни на каком современном языке ввиду некоторых деталей, недопустимых в печатном произведении при современных литературных нравах. Вот почему, при всем желании передать полный текст подлинника, переводчику пришлось все-таки выпустить несколько мест, которые,

правда, в общей сложности составят не более одной страницы.

Считаю долгом выразить свою благодарность моему предшественнику, первому переводчику на русский язык сатиры Эразма профессору А. И. Кирпичникову, перевод которого во многих случаях значительно облегчил мою задачу. Относясь вполне самостоятельно к этому тексту, я, конечно, не мог не воспользоваться в отдельных случаях тем или другим удачным выражением, которое, как мне казалось, наилучшим образом передает смысл подлинника. Это, впрочем, отнюдь не мешало мне во многих случаях существенным образом расходиться с моим уважаемым собратом, как в понимании текста, так и в способе его передачи на русский язык.

Благодарю также моего уважаемого коллегу профессора М. Н. Крашенинникова, который предупредительно предоставлял к моим услугам свои специальные познания в латинском языке и классических древностях, всякий раз как я обращался к нему за разъяснениями различных трудностей, на которые мне приходилось наталкиваться в тексте.

*Павел Ардашев
Юрьев, октябрь 1902 г.*

Предисловие ко второму изданию

Быстрота, с какой разошлось первое издание моего перевода «Похвалы Глупости», свидетельствует о том, что эта книга явилась желанным гостем в среду русской читающей публики.

Появление в свет первого издания ее обнаружило один совершенно для меня неожиданный факт. Вышедший около двадцати лет тому назад перевод профессора А. И. Кирпичникова я считал библиографической редкостью, так как год тому назад тщетно искал его на книжном рынке. Однако же по выходе в свет моего перевода обнаружилось, что перевод моего почтенного предшественника имелся тогда еще в количестве до 300 экземпляров в складе издателя. Объяснить подобный факт можно лишь тем, что эти 300 экземпляров были основательно припрятаны от глаз читающей публики, которая, очевидно, не преминула бы разобрать их, как разобрала — в течение всего нескольких месяцев — втрое большее количество экземпляров моей книги.

Издатели сплошь да рядом обвиняют публику в том, что «книга туго идет». А всегда ли публика в том виновата?

Приведенный факт дает достаточно материала для разрешения этого вопроса, равно как и для размышления о состоянии у нас книжного дела. Оказывается, что у нас иной раз залежавшееся издание оказывается библиографической редкостью.

Факт, над которым стоило бы подумать не одним лишь книгопродавцам-издателям, но и всем посредникам между печатной книгой и читающей публикой. Неужели же нельзя их настолько сблизить друг с другом, чтобы последняя не искала тщетно первую, а первая не ожидала вотще покупателя... в глубине издательских складов?..

*П. А.
Юрьев, февраль 1903 г.*

Введение

I

О гуманизме

Эпоха перехода от Средневековья к Новому времени отмечена в культурной сфере одним общим фактом, который можно коротко характеризовать в двух словах: *пробуждение личности*. Личность начинает вырастать из тех многочисленных пеленок, которыми она была опутана в Средние века, и пытается стряхнуть с себя путы, в которых она долго дремала: путы феодальных отношений, корпоративных привилегий, путы религиозного и умственного гнета, гнета традиций и предрассудков. Личность поднимается, выпрямляется во весь свой рост и начинает сама, своими собственными усилиями, своим индивидуальным гением прокладывать себе дорогу в жизни через чащу воздвигнутых вокруг нее средневековым развитием преград, нещадно ломая на своем пути и с ожесточением попирая всякие традиции и условности исторически сложившегося общежития.

Сила пробуждающегося личного начала, *индивидуализма*, сказывается особенно ярко в *новых людях*, которые шумно врываются на историческую сцену, бесцеремонно сталкивая с насиженных позиций их традиционных обладателей. Это — люди, которые не

получают свою роль, как благоприобретенное наследство от своих отцов и дедов, а сами *делают* ее, создают ее себе своими собственными руками. *Новый человек* — это более, чем иной кто-либо, в полном смысле — *fortunae suae ipse faber* (сам кузнец своего собственного счастья, своей судьбы). Сила и значение нового человека коренятся не в историческом праве, не в незапамятном предании, не в вековой привилегии, не в пожелтевшем от времени пергаменте, а в личных усилиях, в личном труде, в личной энергии, в личном таланте.

Передовая страна в европейском культурном мире в последние столетия Средневековья, Италия была и колыбелью возрождающегося индивидуализма. Именно в Италии встречаемся мы с обоими наиболее выдающимися типами новых людей: это с одной стороны — князя (*prīncipi*) и *кондотьеры*, что часто означало одно и то же, с другой — *гуманисты*. Если первые наиболее полно воплощали в себе начало индивидуализма в политической сфере, то это же начало в сфере культурной находило наиболее совершенное воплощение в лице гуманистов. Итальянский *принципат* и итальянский *гуманизм* представляют собой две стороны одного общего факта, или, формулируя иначе, две различные формы проявления одного и того же начала, именно — начала *индивидуализма*.

Нам нет нужды останавливаться на принципате: в настоящем случае нас интересует лишь гуманизм. Индивидуализм, поскольку он находил себе выражение в гуманизме, характеризовался прежде всего *интересом человека к самому себе*, к своему внутреннему миру, а во внешнем мире — *интересом к людям*. Од-

ним словом, *интерес ко всему человеческому* — вот основная черта гуманистического индивидуализма. Гуманизм (от *humanus* — человеческий), стало быть, вполне оправдывает свое название.

Этим господствующим мотивом гуманизма — интересом ко всему человеческому — объясняется и его отношение, с одной стороны — к средневековой действительности, с другой — к античному миру.

Отношение гуманизма к средневековой действительности было безусловно отрицательное, и ясно почему. Гуманистическое настроение, с его преобладающим интересом к человеческому, с его культом личности, было совершенной антитезой традиционному средневековому настроению, основным мотивом которого был аскетизм, с его отрицанием личного начала и пренебрежительным отношением ко всему человеческому как к плотскому, земному, преходящему. Из всех средневековых учреждений монашество всего более вызывало к себе отрицательное отношение со стороны гуманистов, и понятно почему: ведь монашество было именно самым наглядным носителем столь противоположного гуманистическому настроению аскетического начала.

Совершенно противоположно было отношение гуманизма к античной древности: к ней гуманисты относятся и с глубоким интересом, и с живейшей симпатией. И это вполне понятно: античная литература, античное искусство, одним словом — вся античная культура, проникнутая таким живым интересом к человеку и ко всему, что не чуждо человеческого, как нельзя лучше гармонировала с индивидуалистическим настроением гуманистов. В античной культуре

они находили что-то родное, — то, чего тщетно искала их душа в окружающей действительности. В античном мире гуманист чувствовал себя гораздо более дома, чем в современном ему средневековом мире. Там он встречался с людьми, с которыми чувствовал много общего, гораздо более общего, чем с представителями средневековой образованности — монахами-схоластиками. Из современной ему действительности, в которой ему было так душно и так мрачно, гуманист охотно уходил в античный мир, где так вольно дышалось и было так светло.

Отдыхая здесь душой и обогащая свой ум от непосредственного общения с античными мыслителями, гуманисты вместе с тем находили себе здесь и нравственную поддержку, встречая в идеях лучших умов древности опору для своих молодых идей, находя здесь богатый материал для выработки нового мирозозерцания и вместе с тем — оружие для борьбы с господствующими традиционными воззрениями.

Отсюда — тот *глубокий и живой интерес к античной древности*, который составляет, после индивидуализма, вторую характерную черту гуманизма. Отсюда и самое это выражение — *возрождение классической древности* — для определения эпохи гуманизма. *Возрождение личности*, с одной стороны, и обусловленное им *возрождение античной древности*, с другой, — такова сущность возникшего на рубеже Средневековья и Нового времени, на почве Италии, гуманизма.

Непосредственным результатом гуманистического движения в Италии было возникновение нового культурного класса в среде европейского общества, именно — *светской интеллигенции*. Интеллигенция

Средних веков — это духовенство, преимущественно монахи. Вся средневековая образованность была главным образом монастырская, монашеская. Монастыри были центрами просвещения, центрами науки и литературы в Средние века. В лице гуманистов впервые зарождается в средневековом обществе новый класс людей образованных, но совершенно чуждых монастырской культуре. Это люди по большей части светские, притом почти всегда незнатного происхождения, люди без наследственного общественного положения, люди сплошь да рядом без роду без племени, одним словом — *новые люди*. Эти новые люди мало-помалу овладевают образованностью или, вернее, создают новую образованность, создают новую литературу, новую науку и путем личных усилий, посредством личного знания и таланта начинают завоевывать себе влиятельное положение в обществе. Таким образом, наряду с двумя господствующими классами средневекового общества — *феодальным дворянством*, влияние которого покоилось на землевладении, связанном с политическими правами и социальными привилегиями, и *духовенством*, влияние которого основывалось отчасти на том же, что и влияние дворянства, но главным образом — на духовном, церковном авторитете, который, как известно, был велик в Средние века, — наряду с этими двумя господствующими классами зарождается и постепенно выдвигается новый класс, влияние которого — и влияние постоянно растущее — покоится на совершенно иных основах, именно — на превосходстве ума, таланта и образования. Влияние этого нового нарождающегося класса *светской интеллигенции* мало-помалу воз-

растает настолько, что с ним приходится серьезно считаться обоим господствующим классам средневекового общества — духовенству и дворянству: первому — главным образом в сфере культурной, последнему — в сфере политической и социальной. Монастырская интеллигенция Средних веков принуждена поступиться известной долей руководства умами этой новой нарождающейся городской интеллигенции в лице гуманистов и их воспитанников. Дворянству то же самое приходится испытывать в политической сфере. В XV в. гуманисты начинают проникать в правительственные слои городских республик и приобретать влиятельное положение при дворах итальянских государей, как в качестве государственных деятелей, так и преимущественно в качестве литературной и научной силы. В XV в. широкое развитие получает *меценатство* — и при дворах итальянских правителей, и в домах знатных магнатов. Покровительство людям науки, литературы и искусства — гуманистам — обуславливалось отчасти тем, что сильные мира научились действительно ценить образование и уважать науку, отчасти же тем, что в гуманистах они чуяли силу, которой выгодно было заручиться в свою пользу. Поэты и литераторы, они могли создать славу тому или другому государю или магнату, содействовать его популярности среди современников и увековечению его памяти в потомстве, к чему, под влиянием духа Возрождения, становились очень чутки власть имущие. Так или иначе, но гуманисты заставляли представителей власти относиться с уважением к себе и к тому образованию, представителями которого они были. *Благодаря им, наука и литература становились общественной силой.*

С изобретением *книгопечатания* и его распространением во второй половине XV в. естественным образом возросло в сильной степени и значение новой светской интеллигенции в лице гуманистов. С распространением же гуманизма за пределами Италии это явление из местного, итальянского, превратилось в общеевропейское, и таким образом *итальянские гуманисты сделали родоначальниками светской интеллигенции в Европе*.

Первое столетие Новой истории (с середины XV в., со времени изобретения книгопечатания) можно считать настоящим *веком гуманизма*, как явления *общеевропейского*, хотя начиная с третьего десятилетия XVI в. поток гуманизма не то чтобы иссякает, а мало-помалу покрывается и затопляется нахлынувшей новой культурной волной — *религиозной Реформацией*.

Чем, спрашивается, обуславливается факт *всеобщего распространения гуманизма в первое столетие Новой истории?*

Решающее значение здесь имело, несомненно, культурное влияние Италии на остальную Европу. Но этим дело не исчерпывается. Дело в том, что независимо от влияния Италии в различных странах Запада мы встречаем некоторые культурные явления, аналогичные итальянскому гуманизму, и самый факт широкого и захватывающего влияния и быстрого распространения итальянского гуманизма во второй половине XV в. объясняется в значительной мере именно тем, что почва для этого была более или менее подготовлена в различных странах.

Начать с того, что *рост личности*, развитие индивидуализма не было явлением местным, итальянским, оно было явлением общеевропейским; преиму-

щество Италии в данном случае заключалось лишь в том, что она несколько опередила в этом отношении прочие страны Европы. В той или иной форме факт культурного роста личности сказывался и вне Италии в последние столетия Средневековья, и это явление подготовило почву для восприятия гуманизма.

Но, кроме вопроса о росте личности, об индивидуализме, необходимо также принять во внимание и другой, также общеевропейский факт. Факт этот — *рост города*, развитие городской жизни, городской культуры в конце Средних веков. Это опять-таки был общеевропейский факт, хотя и тут Италия точно так же опередила прочие страны Европы. Совершенно понятно, что *культурный городской класс составлял благоприятную почву для возникновения чисто светских интересов в умственной сфере, для зарождения новой светской образованности наряду со старой, монастырской*. Городской культурный класс, естественно, представлял собой самую благоприятную почву для распространения гуманизма, и, конечно, это не случайный факт, что главными очагами гуманизма за пределами Италии являются наиболее крупные центры городской жизни: так, в австрийских землях — Вена, в остальной Германии — прирейнские области, где городская жизнь достигла наибольшего развития в последние столетия Средневековья.

Наконец, чтобы понять факт быстрого и широкого распространения гуманизма во второй половине XV в., стоит лишь припомнить, что как раз именно в это время *появляется книгопечатание, в котором новое умственное движение нашло себе небывалое по своей мощи и скорости действия орудие пропаганды*.

Словом, если гуманизм зародился впервые в Италии, то почти одновременно и в других культурных странах Запада мы наблюдаем аналогичные культурные явления, подготавливавшие почву для восприятия гуманизма, который к тому же нашел себе во второй половине XV в. могучее орудие распространения своих идей — в книгопечатании.

Но при своем общеевропейском характере гуманизм далеко не играл одинаковой роли во всех странах Запада. В большей части неиталийских стран Возрождение ограничивалось областью изящных искусств и литературы; так было, например, во Франции, в Англии. Но нельзя того же сказать о Германии. В Германии гуманизм играл наиболее важную роль в истории культурно-общественного развития страны. Расцвет гуманизма здесь был непродолжителен, он ограничился двумя первыми десятилетиями XVI в.; но зато в этот короткий промежуток времени гуманизм так широко и глубоко охватил культурно-общественную жизнь страны, как ему не удавалось никогда даже на своей родине, в Италии. Объяснения этой исключительной роли германского гуманизма следует искать в условиях, диктуемых *средой и моментом*. Для этого необходимо несколько ближе познакомиться с теми культурными условиями, которые подготовили в Германии гуманистическое движение.

Германский гуманизм возник из двух течений: одного — местного, *туземного*, которое шло с севера, из Нижней Германии (нынешней Голландии), другого — *иноземного*, шедшего с юга, из Италии. Последнее из этих двух течений было — *итальянский гуманизм*, первое — аналогичное, хотя и своеобразное местное

течение, связанное с так называемыми *братскими общежитиями*. Последние обязаны были своим возникновением почину голландца Гергарда Грота, жившего во второй половине XIV в. Человек образованный и проникнутый религиозным настроением, он задался целью содействовать распространению просвещения в религиозном духе. Основанное с этой целью Гротом *братское общежитие* по внешности напоминало монастырскую общину. *Братья*, составлявшие общежитие, подчинялись в своей жизни целому ряду строгих правил, напоминавших собой монастырский устав, но с тем существенным отличием, что здесь не требовалось никаких торжественных и бесповоротных обетов, вроде обета монашества. Это была, по выражению одного новейшего историка Реформации, «монашеская жизнь в духе простого свободного товарищества». Другим, не менее существенным отличием братских общежитий от монашеских орденов было совершенно новое понимание той *благотворительности*, которую они себе ставили целью: эта благотворительность должна была заключаться для них главным образом в *распространении образования*. Педагогическая деятельность, основание школ и обучение юношества сделалось главной задачей основанного Гротом и возникших по его примеру других таких же братств. В качестве одного из орудий образования в школах этих братств было введено изучение классических писателей, и сами «братья» наряду с педагогическими занятиями посвящали время также переписке книг, в том числе и произведений классических авторов. В этих занятиях можно видеть первые зачатки возрождения античной литературы на германской

почве — первые проблески грядущего гуманистического движения. Правда, этот интерес к классической литературе был пока чисто формальным; задача, которая при этом преследовалась, заключалась главным образом в том, чтобы обогатить язык и ум соответствующими формами выражений и приемами мысли. О том, чтобы проникнуться духом классических писателей, не было и речи. Тем не менее *братским общежитиям* принадлежит видное место в истории германского гуманизма, и это по двум причинам: во-первых, они положили основание серьезному изучению античной литературы и ввели изучение классиков в программу школьного образования; во-вторых — и это, очевидно, не простая случайность, — из этой первой, «классической» школы в Германии вышли и первые представители настоящего гуманизма в Германии, в том числе и оба величайших немецких гуманиста — Иоганн Рейхлин и Эразм Роттердамский. Основанные Гротом *братские общежития* можно поэтому назвать колыбелью германского гуманизма, который развивался в сочетании местных элементов с элементами привнесенными, а именно с пришедшим из-за Альп влиянием итальянского гуманизма.

Какими путями это влияние проникало в Германию?

Они были многочисленны и разнообразны. Как это ни странно на первый взгляд, но факт, что одним из первых и главных проводников гуманистического влияния Италии на Германию была *папская курия*. Это покажется, однако, менее странным, если мы примем во внимание, что *папская курия в Италии XV в.*

являлась одним из главных очагов гуманизма. Мало того, что папы были окружены учеными-гуманистами, гуманизм проник даже на папский престол в лице Николая V и Пия II. А при той роли, какую тогда играла папская курия во всем западном христианском мире, это насыщение гуманистическими элементами, естественно, не могло не оказать влияния на весь католический мир, тем более что в XV в. было несколько особенно благоприятных моментов для проявления этого влияния. Первая половина XV в. была временем великих соборов в католическом мире. В Пизе, в Констанце, в Базеле, куда на Вселенские соборы стекались со всего католического мира представители высшего духовенства и светской знати, гуманистическая папская курия имела возможность приходить в более тесное и непосредственное соприкосновение, можно сказать, со всем образованным обществом тогдашней Европы. Любопытно, что одним из первых апостолов гуманизма в Германии явился Эней Сильвий Пикколomini, будущий папа Пий II.

Другим каналом, через который проникало в Германию влияние итальянского гуманизма, были *итальянские университеты*. Не следует забывать, что в конце Средневековья и в начале Нового времени Италия была по уровню образованности передовой страной Европы, и многие молодые люди — иногда и немолодые — из других стран, главным же образом из Германии, ездили для завершения своего образования в Италию. Возвратившись на родину, эти люди естественным образом становились пионерами итальянской образованности у себя на родине и таким образом содействовали распространению гуманизма.

Наконец, явившееся во второй половине XV в. на сцену *книгопечатание* открыло новый путь влиянию итальянского гуманизма на Германию, — влиянию, которое облегчалось единством литературного и научного языка — латинского.

II Об Эразме

Эразм принадлежал к старшему поколению германских гуманистов, поколению рейхлиновскому, хотя он был на двенадцать лет моложе Рейхлина. Но по характеру своей литературной деятельности, именно по ее сатирическому оттенку, он уже в значительной степени примыкает к гуманистам младшего, гуттеновского поколения. Впрочем, Эразма нельзя безоговорочно отнести к какой-либо конкретной группе гуманистов: он был «человек сам по себе», как выразился автор «Писем темных людей» (*Epistolae obscurorum virorum*). Он действительно представляет собой особую, самостоятельную и вполне индивидуальную величину в среде германского гуманизма. Начать с того, что Эразм не был даже в строгом смысле *германским* гуманистом: его можно назвать скорее *европейским* гуманистом, так сказать, международным. Действительно, Эразм представляет собой совершенно космополитическую фигуру. Германец по своей принадлежности к империи, голландец по крови и по месту своего рождения, он менее всего был похож на голландца по своему подвижному, живому, сангвиническому темпераменту, и, быть может, потому так ско-

ро отбился он от своей родины и впоследствии не чувствовал к ней особенного влечения. Но и Германия, где он провел бóльшую часть своей жизни, не сделалась для него второй родиной. Германский патриотизм, одушевлявший большинство его соотечественников-гуманистов, остался ему совершенно чужд, как и вообще всякий патриотизм. Можно сказать, что его настоящей родиной был античный мир, где он чувствовал себя действительно как дома, и латинский язык был, можно сказать, его настоящим родным языком; на нем он не только писал с легкостью Цицерона или Тита Ливия, но и говорил на нем совершенно свободно, — во всяком случае, гораздо свободнее, чем на своем родном голландском наречии. Не лишено характерности в данном случае то обстоятельство, что под старость Эразм, после долгих скитаний по свету, избрал своим постоянным местопребыванием имперский город Базель, имевший и по своему политическому и географическому положению, и по составу своего населения международный, космополитический характер.

Наконец, совершенно особое место занимает Эразм в истории германского гуманизма еще и по тому небывало влиятельному положению в обществе, какое — впервые в европейской истории — получил в его лице человек науки и литературы. До Эразма история не знает ни одного подобного явления — да такого и не могло быть до изобретения книгопечатания; после Эразма, за все продолжение Новой истории, можно указать лишь один аналогичный факт: именно только то совершенно исключительное положение, которое выпало на долю Вольтера в апогее

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Предисловие ко второму изданию	7
Введение	9
Письмо Эразма к Томасу Мору	33
ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ	39